

Джонни
Лейн

**Алина
и те,
кто
умерли**

**Роман о жизни, смерти
и чём-то среднем**

Джонни Лейн

Алина и те, кто умерли

<https://litres.ru/74093263>

SelfPub; 2026

Аннотация

Медсестра-недоучка Алина нашла себя в морге. В хорошем смысле этих мрачных слов – она оказалась блестящим танатопрактиком.

Но иногда быть мастером – значит работать несмотря ни на что. «Ничего, у меня получится» – подумала она... И вылетела вон из этого мира.

А в другом и правила другие. Люди могут быть не людьми, больные – не больными, мёртвые – не мёртвыми. В другом заставят работать на своё сомнительное благо; захотят снести голову, но сначала задрать юбку; обвинят безвинно и выгонят безвозвратно; попросят совета, а понять его не смогут...

В другом много чего – но исчезающе мало того, что могло бы понравиться. И хорошо бы из этого другого выбраться!

Чем Алина, собственно, и занята. С переменным успехом. И с верным другом по имени... Ладно. Вперёд забегать не будем. Будем идти вместе с Алиной. Тем более что план у неё великолепный – «Идти и дойти. И я его уже осуществляю!».

Содержание

1. Реставраторша	4
2. На что горазда Горазда	22
3. Рыжий и Чёрненький	42
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джонни Лейн

Алина и те, кто умерли

1. Реставраторша

У меня было правило: когда я заканчивала работу, я всегда благодарила. Что-нибудь вроде: «Ну вот и всё, спасибо, теперь вы можете отдохнуть». Но если бы мне хоть раз ответили, я бы, наверное, начала заикаться или поседела. Ведь я работала в морге. Работала давно и работала бы дальше, если бы не... Впрочем, лучше всё по порядку. Если чему-то меня и научила моя такая «страшная» работа, так это порядку.

Начиналось всё на совсем другой колее. Скажем так: на параллельной.

Я всегда хотела быть медсестрой – как мама. Её не спасали никакие перчатки: от контакта с лекарствами у неё на пальцах появлялись мелкие пузырьки, лопались, превращались в болезненные трещины, но даже на это я смотрела как на что-то правильное. Подтверждающее важность того, чем она занимается. Классе в шестом, наблюдая, как тщательно она втирает очередной «суперкрем» и ругает свои «слишком нежные» руки, я так ей и сказала:

– Нет, мам. У тебя самые правильные в мире руки.

Она засмеялась:

– Пойдёшь в медицину – заработаешь такие же!

И я почти «заработала». Медколледж, теория, практика – я была уже на финише. А потом, на одной из учебных смен, просто замерла у кушетки. До сих пор надеюсь, что не напугала того больного. Прошло почти семь лет, а я хорошо его помню: простоватый такой мужичок с «многоэтажным» подбородком и отчего-то красными, как у мальчишки, ушами. Не знаю, что случилось, но вместо двух внутривенных уколов – две минуты моего нелепого ступора. И если бы только ступора. Нахлынуло понимание: нет, это не моё. Не стану, не буду, не могу, не хочу. Меня окликали («Алина!», «Алина, ты чего?»), меня предупреждали («Митина, или работаем, или как бы тебе не пришлось пересмотреть профессию!»), а я не реагировала. Только глупо улыбалась. Чему? Вероятно, тому, что понимала прямо там, в те самые минуты: медицина для меня закончилась. Закончилась, толком даже не начавшись.

Тогда это казалось если не трагедией, то драмой, которую ещё нужно пережить. Хотелось забиться в какой-нибудь тихий угол, чтобы никто не мог спросить, как там мой диплом или куда я собираюсь устраиваться. Так я оказалась в провинциальном городке на самом краешке области, у родственницы, которую не видела с детства. Степень нашего с ней родства мама так и не смогла вспомнить.

– Кажется, тебе она троюродная тётка. Не важно. Отдохнётся, наберётся сил.

– Ну да. Свалюсь как снег на голову...

– Ничего не снег. Ерунду не говори. Там хорошо, Алин. Тихо. А она у нас в долгу, если что. Да и обрадуется, вот увидишь!

Тётку звали Зоя Алексеевна. Новоиспечённая пенсионерка, она не знала, куда себя деть, и только что затеяла ремонт. Мне она действительно обрадовалась. В основном как рабочей силе. Собственно силы во мне, может, и не много, зато Зоя Алексеевна не уставала всплёскивать руками: «Всё-то у тебя, Алиночка, получается, всё как конфетка! Тебе в строители надо идти! В эти самые... отделочники!». Я растаскивала шпателем комковатую сметану штукатурки и молчала. Обсуждать свои перспективы? Я ведь и уехала-приехала как раз для того, чтобы этого не делать...

Ремонт закончился (скорее прекратился, потому что Зое Алексеевне «надоела эта грязь»), а лето только начиналось. Из окон её двушки хорошо просматривались корпуса центральной районной больницы, окружённые запущенным, диковатым парком. Чтобы не сидеть у тётки безвылазно, я взяла за привычку по этому парку прогуливаться – как птичка, перепрыгивала со скамейки на скамейку (вот как-то не сиделось мне на одной, посижу там, посижу здесь), бродила в какой-то странной задумчивости. Странной – но, на удивление, не унылой. Если бы меня спросили, о чём я думаю, я бы вряд ли ответила. Зато легко бы объяснила, что чувствую. Это было желание деятельности. Сильное желание. Навер-

ное, даже можно сказать – жажда.

Однажды я собрала мусор вокруг лабораторного здания. Почему я выбрала именно его? После полудня там никто не ходит. Пусто. Около главного корпуса – народ всегда, а в лабораторию идут только с утра. К тому же она на отшибе, парк, собственно, на ней и кончается. Не то чтобы я считала, что занимаюсь чем-то нехорошим, но довольно необычным – пожалуй. Я ведь не дворник, не волонтер. И на дворе, как говорится, не субботник. Поймай меня «с поличным» – с выцветшими, наверняка принесёнными ветром фантиками от мороженого и рванными пакетами – и я бы, конечно, нашла что сказать. Но также я знала, что прозвучало бы это несуразно. Жажда деятельности, кхм...

На противоположном конце парка притулилось другое небольшое и еще гораздо более угрюмое, «нелюдимое» здание. Морг. Казалось, что его облетал десятой стороной даже ветер – мусора там практически не было. Но были одуванчики. И они самым наглым образом забрались прямо в искусное временем колесо клумбы. А ведь клумбы была засеяна и теперь цвела – белые, розовые, сиреневые петунии...

Всё это безобразие – а вернее, красота, в которую вторглась другая красота... в общем, весь этот микс требовал немедленного вмешательства. Моего. Вот так я на тот момент ощущала. Помнится, подумала: ну как же так? Засеяли – приглядывайте!

Я аккуратноенько освободила цветы от цветов – петунии от

одуванчиков – и топталась на месте, не зная, что делать дальше. Прочитала вывеску над дверью, рассмотрела старенькое крыльцо... В колледже у нас было несколько лекций по патанатомии, а парочка лабораторных значилась только в расписании. Как раз в здании морга, конечно, куда более монументального, областного – два этажа, высокий цоколь, тяжёлые колонны. Приезжая туда, мы просто сидели всей подгруппой в ординаторской, а взмыленный патанатомик заглядывал и бормотал «щас-щас» или рекомендовал «почитать пока учебник».

Я уже и забыла, когда в последний раз собирала цветы, и как-то жалко было просто так выбрасывать получившийся одувано-букетик. Но и тащить их к Зое Алексеевне было бы ошибкой. Зоя Алексеевна ещё целую неделю выпрашивала бы, как часто меня тянет на сбор цветочков, откуда конкретно я принесла эти, и так далее. А ведь я бы так и сказала: от морга. Что было бы новой ошибкой, зато не шло бы в разрез в простым принципом: не ври там, где можно сказать правду. Просто потому, что враньё затратнее и, как учил нас один очень хороший анатомик в колледже, – всегда вылезет боком. Не попался сразу – попадётся потом, сам же запутаешься, споткнёшься на мелочи и растянешься в полный рост...

С противоположного торца что-то звякнуло, и я, не отдавая себе отчёта зачем, побрела туда.

Здесь здание уходило в тень, довольно сильно пахло хлор-

кой и чем-то жгуче-химическим. Под стеной стоял открытый полиэтиленовый мешок, забитый светлыми тряпками (простынями? халатами?). Я не сразу заметила ещё одну дверь – ни на ней, ни рядом не было никаких вывесок, не было даже нормальной ручки, только скоба. Дверь была приоткрыта, как будто кто-то не прикрыл второпях. Закрывать? Открыть? Я выбрала то, что выбрала...

Живых в зале не было, только откуда-то из соседних помещений доносились голоса, звон посуды, иногда и смех – расслабленные звуки общения обедавших.

На одном из двух металлических столов лежал сильно сторбленный голый старик. Из-за того, что его спина так и не расправилась, казалось, что лежит ему очень неудобно – как будто ему мешает его собственная горбатость. Говорят: горбатого могила исправит. Глядя на старика, с этим хотелось поспорить. С другой стороны, он ведь ещё и не в могиле... Голова его запрокинулась, рот открылся – поза была очень напряжённой. Я попробовала поднять его руку, но она была как насквозь промёрзшая ветка. Трупное окоченение. Нет, тут ничего не поделаешь. Я просто положила свой букетик рядом с запрокинутой седой головой... Покрутилась немного и обнаружила стопку чистых простыней на стеллаже. Я укрывала старика, когда услышала спокойный вопрос: – Родственница?

Не помню, чтобы я вздрогнула. Просто подняла взгляд. В проёме стоял пожилой мужчина в расстёгнутом белом ха-

лате поверх белой же футболки. Вот почему я это так хорошо запомнила: халат, что называется, видал виды, был усеян пятнами самых разных форм и расцветок и как бы отзеркаливал пёстрый принт на футболке.

– Нет. Не родственница, – так же спокойно ответила я.

– А, вон оно как... Что ж. Санитарка нам нужна просто как воздух, – Он улыбнулся и назвал себя (я давно уже не говорю «представился», в условиях морга от двусмысленных слов отказываешься раз и навсегда): – Первушин Андрей Николаевич. Зав патологоанатомическим отделением.

– Митина Алина. Без пяти минут санитарка. – Я, насколько помню, улыбаться не стала. Кивнула на недоукрытого старика: – Что с ним?

– Умер. Заявление написала?

И я написала. Да, вот так, с места в карьер. Думала ли я, что устраиваюсь надолго? Нет. Даже близко. Это была своего рода авантюра, попытка хоть как-то ответить на дурацкую ситуацию невхождения в медицину. Временный способ утолить мою деятельную жажду. Мама вот хорошо меня поняла. Она так сразу и сказала: сбей охотку, если надо! Ни я, ни она не рассчитывали на то, что это затянется.

Жажда утолялась просто на ура. От усталости я еле-еле ползала, особенно первое время. Работы хватало. Покойников я, конечно, не таскала, это было прерогативой Рудакова и Пузанова, но полы, столы, общий порядок, учёт вещей в конвертах с бирками, журнал температуры в холодильниках

– всё это навалилось с самого первого дня, под бодрящий рефрен коллег «Зилола успевала!». Зилола – предыдущая санитарка, вернувшаяся на солнечную родину. Она успевала *всё*. Всё плюс петунии. Не особенно тормозила и я, и всё-таки куда-то на подкорку так и въедался идеальный образ Зилолы-Которая-Была-Шустрее. Я, кстати, петунии тоже не забросила, правда, потом поменяла на многолетник. И вот что могу сказать с чистой совестью, исходя из опыта: ни петунии, ни ирис, в отличие от покойников, – не капризны...

Через неделю мне доверили первое одевание. Для начала – под бдительным оком Рудакова. А ещё через несколько дней был тот нашумевший случай с подростком, выбросившимся с восьмого этажа на строительные блоки. Ох и неудачно он упал, скажу я вам. Шансов выжить не было, и я не об этом. Не лицо, а синяк. Не лоб, а яма. И практически выворотило нос. Первушин нервно обходил секционку по периметру. Только что ему позвонили: родственники непоколебимы – гроб должен быть открытым. А как?

– Скажите мне – как? Я же не придумаю ему новую голову. Нету у меня новой головы! И специалистов таких – нету.

– Почему сразу нету? – обиделся Рудаков. – А кто в прошлом году сделал ухо?

– Твоё ухо над подушкой торчало ровно на сантиметр. Это мог быть камень. Или крышечка от кофе.

– Оно не моё, – снова обиделся Рудаков. – Мои оба при мне. Я, так-то, и не про ухо. А про то, что специалисты во-

обще-то есть. Просто это... всё слишком всмятку.

– Конкретные предложения?

– Можно это... кепку на него одеть. И на лоб надвинуть...

– Да-да. И на нос тоже. Всё. Молчи, – отмахнулся от него

Первушин. – Ещё предложения у кого-нибудь имеются?

– Мы не волшебники, Андрей Николаич, – сказала лаборантка с красивым именем Снежана. Обычно она сидела у себя и очень не любила, когда её оттуда выдёргивали. – У родственников горе, но это не значит, что все они разом перестали соображать. Надо сказать им как есть, вот и всё.

– Надо отдать им как есть, вот и всё, – хохотнул наш второй патологоанатом, совместитель Сомов.

– Опять ты со своим юмором, Серёжа!

– На том стоим, – широко улыбнулся Сомов. Он никогда не лез за словом в карман.

– В общем, всё с вами понятно, – вздохнул Первушин. – Не понятно только, что делать в итоге. Не нанимать же мне скульптора, в самом деле! Да он и пробовать не станет...

– А я бы попробовала, – подала голос я. Я не пыталась изобразить хотя бы лёгкую нерешительность. Зачем? Для себя я всё уже решила. Могу, хочу. Это было как тот мой ступор, только с точностью до наоборот. Анти-ступор. Просто руки чесались что-то изменить. И отчего-то верилось, что обязательно получится.

Повисла пауза, и все уставились на меня: и взвинченный Первушин, и безразличный ко всему кроме себя любимого

Сомов, и «обиженный специалист» Рудаков, и высокомерная Снежана.

– Ты? – наконец переспросил зав.

– Я, – кивнула я.

Он подошёл к столу, где лежал подросток, ещё раз окинул взглядом «всмятку», постоял в задумчивости и всё-таки дал мне отмашку: – Делай что хочешь. Хуже не будет!

Я отправила Рудакова в магазины – за шпатлёвкой и косметикой (список косметики я даже надиктовывала долго, не удивилась бы, узнав, что косметические ребята сделали в тот день недельную выручку), а сама сбегала в «травму», за гипсом. Им я заполнила яму на лбу (вернее, конечно, яму вместо лба), подстраховывая всё это дело несколькими слоями бинта. Основой для носа стала плотная арка из картона, её я заполнила всё тем же гипсом. Пока схватывалось, открыла ведёрко с финишной шпатлёвкой – густой белоснежной массой, похожей на жирный кондитерский крем. И шпателем, слой за слоем, слой за слоем... Главное – не торопиться, не наваливать, а тонко, как можно тоньше растягивать от ровных краёв к целой коже. Не пачкать корни волос. Не «заезжать» на брови.

Потом я долго подбирала и выравнивала тон, и тоже слоями: тональный, консилер, корректор... Подправить форму ноздрей. Чётче обозначить губы. Капельку блеска на выступающие участки, чтобы снять эффект маски.

Пришедший на ночное дежурство Пузанов ушёл спать в

бытовку, а Рудаков сидел на подоконнике покрашенного до середины окна и следил за каждым моим движением так, как будто боялся что-то пропустить. Мне казалось, он даже не моргает. Он не собирался оставаться на ночь, с самого начала так и заявил – не та у нас работа, чтобы на ней гореть, – да и я оставаться не собиралась, но время несло, а начала я поздно. Оглянувшись на процарапанный в белой краске «глазок» за своей широченной спиной, он вдруг с удивлением ухнул:

– Утро!

Я пожалала плечами. Утро так утро. Я почти закончила. Последние штрихи...

Восстановленное лицо это восстановленное лицо. Оно не стало прежним, не стало «как живым». Но теперь на столе лежал уже не «тот пацан без носа, с дырой в голове», а просто очень бледный, очень уставший подросток. Будто долго болел и наконец уснул.

– Митина, да ты же прирождённый танатопрактик, – даже как-то озадачился Первушин, прибежавший едва рассвело, часа на полтора раньше обычного. – Прирождённый, – повторил он. – И это хорошо. Только ставки такой у меня нету. И это плохо. Да у меня даже Пузанов – по документам не у меня! Он сторож, понимаешь? Ой, да что ты понимаешь, – махнул он рукой, как будто я в чём-то ему противоречу. – Но ты знаешь... мы что-нибудь придумаем. Голь на выдумку хитра, подумаем и... – Он постучал себе указательным паль-

цем по лбу, что, видимо, должно было означать начавшуюся умственную деятельность, и убежал в ординаторскую.

Я пожалала плечами. Что мы могли придумать? Мы работали.

После восстановления лица того мальчишки меня ещё месяц-другой называли Реставраторшей. Полы, столы и общий порядок перестали быть основной заботой, теперь это было между делом. А делом, моей основной обязанностью стала «подготовка к выдаче», или «душ и мордаха», как формулировал Сомов. Мне и другие его словечки не нравились («жмур», «экземпляр», «плакальщики уже приехали?»), а с этими «душем и мордахой» он и вовсе перегнул, но вот как-то оно прилипло – «Митина, всё, душ!», «Алина, иди рисуй мордаху!». И я шла и рисовала. Мне не то чтобы нравилось. Может ли такое нравится вообще? Но я видела результат, видела зачем. Чувствовала свою незаменимость – если с «душем» управлялись и до меня, то «мордаха» стала тем, что только моё. Двумя-тремя мазочками перекрыть посмертную серость; капелькой мастичного клея зафиксировать умиротворённую полуулыбку; немного блеска, чтобы отступила «кукольность». А ещё я осознала одну важную вещь: я работаю ради живых, не ради мёртвых. Но мёртвые – мои в этом деле безмолвные союзники. Когда я это по-настоящему поняла (не сразу, годика, наверное, через полтора), и появилось моё правило их благодарить. Дни неслись под аккомпанемент этих моих благодарностей. Дни, месяцы, годы.

В тот злополучный вечер до слов благодарности просто не дошло. Я не успела.

Женщину привезли уже под вечер. Отсюда же, из «терапии». Сомов глянул на часы, недовольно цокнул языком и ринулся, что называется, в бой. Он управился быстро, минут за сорок («от чего лечили, от того и умерла – классика!»), кивнул Рудакову («собрать-зашить, формалин фри»), быстрее обычного управился и тот. Я включила воду, взяла губку. Сначала – вымыть, высушить, поправить швы, и только потом все тонкости визажа. Торопиться было некуда, точнее сказать, не к кому. Зоя Алексеевна умерла два года назад, завещав мне квартиру и одиночество, а кормёжка у моих питомцев – серебристой троицы крапчатых сомиков – только по утрам. Они и так непрерывно едят, «пылесосят» дно. Донные рыбки, большие аккуратисты. Кто-то должен наводить порядок и на дне...

Женщине было сорок четыре. Симпатичное лицо с тонкими, я бы даже сказала благородными чертами. Хорошая кожа. Ухоженные руки. Из тех людей, про которых сразу ясно: следила за собой. Тем более странно выглядело откровенно некрасивое, какое-то хаотично-неряшливое тату у неё на шее, под левым ухом. Трудно было представить, из каких соображений она наколола такое, да ещё и на видном месте, да ещё и – вероятнее всего – недавно, тату выглядело свежим. Какие-то бесформенные каляки-маляки, честное слово. С чем бы это сравнить... Перепутанные нити, наверное,

самое близкое... Показалось мне или нет? Я направила на тату поток воды, и «нити» зашипели.

Я разбирала её вещи – всегда перед этапом с косметикой смотрю, во что буду одевать, какой вырез у ворота, есть ли рукава и какой они длины. Тёмно-синее платье (настолько хорошая ткань, что не хотелось выпускать из рук), невестомые колготки, изящные туфельки, золотая цепочка. Едва уловимый аромат духов каким-то чудесным образом перебивал все агрессивные запахи морга.

– Алин, – позвал Рудаков. – Там это, родственник. Ну, муж. Только он на крыльце, заходить отказался. Говорит, что-то важное.

– Теперь уже вдовец, – привычно поправила я. Никогда не понимала этой странной разницы: вдов называли вдовами, а вдовцов почему-то всегда мужьями. – Не поздновато ли для родственников? И что за «важное», если даже не заходит?

Всё это я, разумеется, не у Рудакова выпрашивала. Просто бормотала себе под нос. Мне ли не знать о причудах родственников? К слову сказать, родители спрыгнувшего подростка были возмущены: мальчик выглядит болезненно! И они были правы. А до меня, пожалуй, именно тогда окончательно дошло: да, я сработала верно. Ведь чтобы возмутиться этой «болезненностью», надо было не только не видеть, но даже не представлять, из чего она была получена. Они – не представили. А значит я – справилась.

На крыльце меня ждал высокий, худощавый, совершенно

вымотанный мужчина. Казалось, если бы он не опирался на деревянные перила крылечка, то и на ногах бы не устоял. Увидев меня, он то ли кивнул, то ли передёрнулся.

– Вы по поводу подготовки? – спросила я.

– Я муж Ларисы... Да. Я по поводу... По поводу... татуировки. – Он говорил, скатываясь в паузы и очень тихо.

– Да, я видела. В принципе, я не работаю с татуировками, но если очень нужно, я могу её замазать.

– Нет! – выкрикнул он так громко и нервно, что мне стало как-то не по себе. – Не трогайте. Ничего не трогайте.

– Ничего – или только татуировку? – совсем запуталась я.

– Татуировку, – смягчился он. – Это важно не для меня.

Для вас. Учтите.

– Хорошо, я учту. Что-то ещё?

– Это всё... Но вы не забудьте и учтите!

– Я работаю не первый год. Я всё подготовлю, ничего не забуду, всё учту. Не переживайте. – Я коснулась его плеча и тут же об этом пожалела. Он посмотрел на мою руку так, как будто она была в грязи, и я его пачкаю.

Уточнять причину этих татуировочных странностей я, разумеется, не стала. Работа в таком месте, как это, быстро учит такой полезной вещи, как не задавать людям лишних вопросов. Особенно в первые сутки. Тем более в первые часы...

Вернувшись к Ларисе, я глазам не поверила: тату вздулось пузырём с хорошую такую сливу!

Надеяться на драпировку каким-нибудь шарфиком было себе дороже. Плавали, знаем. В последний момент окажется, что шарфиков она не только не носила, но и была их яркой ненавистницей.

Ничего, разберёмся. Да, понятно – тату просили не трогать. Но никаких манипуляций с самим рисунком и не будет. Я ведь не собираюсь его закрашивать, сводить или подрисовывать. Сами каляки-маляки не пострадают, вот я о чём. Я только вытяну жидкость...

– Ладно, Лариса, – сказала я устало. – Сейчас всё исправим.

Шприц-двадцатка. Аккуратный прокол...

Поршень не шёл.

– Хм... Да что ж такое?

Наконец-то! Подался. Откачал миллилитров семь совершенно прозрачной жидкости – и снова застыл.

Застыла и я. Теперь дело было не только в поршне. Дело было в том, что когда он сдвинулся, произошло что-то такое, чего не должно и не могло произойти. *Дёрнулся весь окружающий мир.* Дёрнулся так, что я хорошо почувствовала, чётко увидела: меня подбросило. Услышала, как бодро звякнули металлические инструменты, как жалобно зазвенела лабораторная посуда.

Хорошо хоть пузырь под татуировкой заметно осел. Надо было что-то делать дальше. Или ничего – потому что дёрнулся мир. Ничего – потому что *показалось*, что дёрнулся

мир? Ведь не могло же такое случиться на самом деле! Может быть, я просто устала? Надышалась химикатами? Раньше обходилось, но ведь всякое бывает, организм – загадка.

Всё. Больше никаких сверхусилий. Потяну совсем легонько, и если нет...

Поршень скользнул как по маслу. А вместе с ним скользнуло *всё* – стол с Ларисой, стены, окна, парк, город, небо, земля. И не просто скользнуло, а сорвалось и продолжало скользить. Мир промелькнул мимо меня одной размытой полосой, очень быстро, так быстро, что секунда рядом с этим показалась бы довольно серьёзным промежутком. В то же самое время это непостижимо краткое скольжение легко делилось на части: где-то в его середине я услышала, как тяжело стукнул пластик о металл – это наполненный жидкостью шприц выскользнул у меня из рук, – а под самый финал впереди появился чёрный блин темноты. Как свет в конце тоннеля – только не свет, а темнота. В ней-то я и оказалась, когда ускользнуло *всё*. В полной темноте – и полной тишине. Твёрдая поверхность ушла из-под ног – я больше ни на чём не стояла, но никуда и не падала. Это было как сон. Или как потеря сознания. Только наяву. И сознание никуда не делось.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем запела какая-то далёкая птичка. Запищали комары. Зашумели листья. Послышался треск веточек и шаги. Мягкие. Как по траве. Да и пахло травой. Травой, почвой, сырой древесиной... Прямо у моих глаз метнулся светло-зелёный огонёк.

– Дочка, да ты никак живая?

2. На что горазда Горазда

– Дочка, да ты никак живая?

К моему лицу приблизилось сморщенное, подвязанное косынкой в крупный горох лицо старушки. Одной рукой старушка придерживала зачем-то кончики косынки, а в другой держала ветку полыни. К верхушке ветки приклеился шарик зелёного света. Только он и разгонял крошечную тьму, немного, но достаточно, чтобы увидеть того, кто напротив.

Эта необычная осветительная конструкция не была похожа ни на фонарик, ни на факел. Скорее на маленькую шаровую молнию, по какой-то причине усевшуюся на полынную ветку. В свете «молнии» старушка выглядела зеленоватой, и стояла она как-то странно пригнувшись. Из-за этого всего было ещё труднее избавиться от чувства нереальности происходящего.

Старушка разглядывала меня, не стесняясь. Я не торопилась отвечать на её вопрос. В конце концов, он был риторическим. Она смотрела на меня, а я – на неё. Уж куда живее!

– А разит-то от тебя – смертушкой, – как будто услышав мои мысли, озадачилась она. – Ноги-то у тебя ходят? Отнести я тебя не смогу, ой не смогу, – покрутила она головой из стороны в сторону.

И только тогда я поняла, что старушка не пригнулась – она надо мной наклонилась. Я лежу. Так вот почему я не

ощущала поверхности под ногами!

– Отнести? – переспросила я, усаживаясь и стряхивая с себя двух разнокалиберных жуков. Старушка опасно попятилась, уткнулась во что-то – потом я рассмотрела во что, в крупный замшелый валун – прямо на него и уселась.

У меня закружилась голова. На мгновение от спины отстала одежда, а когда прижалась снова, от влажного холода побежали мурашки – сырая земля промочила оба слоя ткани, рубашку и халат.

– А куда меня, по-вашему, надо «отнести»? – уточнила я, растирая виски, чтобы унять головокружение.

– Да вот никуда и не понесу. Откуда силы? Годков-то мне знаешь сколько? Сама давай вставай. А нет, так и... нет. У меня как-то было: нашла – а у него ноги прям плетьюми, прям плетьюми... Даже, понимаешь, не трепыхаются, не то чтоб ходить. А сам здорове-енный... Как бык. Да на быка и похож, упокой его бог его душу.

– Так он, значит, умер?

– А как же, дочечка? Помню, уходила, а он так, на руках, за мной и полз. Всё звал – бабуся, бабуся! Отстал потом. Руки тебе не ноги! На другой день я пришла, а его уж и след простыл. Как не было. Видать, ломарь его к себе в нору утащил. Знаешь про ломаря-то?

– Нет, но... Послушайте. Меня зовут Алина. А вас мне как звать?

– Горазда я. Так и зови.

– А по отчеству? Как звали вашего отца?

– Да кто как. Он мебель растил. Бывало, Сидушечником звали, бывало, что и Сильяном.

– Со мной случилось что-то странное, Горазда Сильяновна. Я не знаю, как я здесь оказалась.

– Насмешила, – фыркнула старушка. – Никто ж никогда не знает. Вы же эти – паданцы. Падаете сюда – и всё. И один забавней другого! Ты вот, дочечка, не сильно-то и охламонистая. Разве что штаны под халатом и косу свою куда-то потеряла. А бывает не так. Ой, уж такие бывают, уж такие...

Она неожиданно тоненько захихикала.

Я терпеливо ждала, когда окончательно уляжется круговерть в голове, чтобы попробовать встать.

– Бывают, понимаешь, и на нас-то не похожие, и лопочут не по-нашему – вар-вар-вар, вар-вар-вар. Ой насмотрелась я, ой наслушалась, – продолжала хихикать она. Полынь со светящимся шариком ходила ходуном вместе с её рукой, но всё, что выхватывалось из окружающей тьмы – ближайшие деревья, кажущиеся ещё более тёмными, чем сама тьма. Какими-то оглушительно чёрными. Мрачненький, скажу я вам, вырисовывался пейзаж...

– Пойдём, – мотнула головой старушка, подскочила с валуна и выдвинулась в указанном собою же направлении.

– Подождите... – Я начала подниматься, а сама всё никак не могла сосредоточиться. Не могла определиться с тем, насколько опасна эта Горазда Сильяновна. Маленькая, щуп-

ленькая и как будто доброжелательная, но... было в ней что-то неприятное. Смех? То, что она рассказала про ползущего за нею на руках *кого-то там*?

– Во-во, вставай-вставай, – подбодрила она. Но руку подать даже не попыталась.

Состояние моё было так себе. Что-то среднее между болезнью и усталостью. Но ноги меня вполне держали. Да и голова не сказать чтобы совсем не соображала.

– Горазда Сильяновна, мы ведь в лесу?

– В самой чаще, доча, в самой чаще.

– И... что вы делаете ночью в лесу?

– Я? Да как обыкновенно. На поляну иду. Мебля там растёт. Её только ночами можно править, вот и хожу-брожу впотьмах. А от этой мебели у меня уж пальцы сводит! Но ничего. Теперь-то мне полегче будет. Теперь у меня вон какая помощница!

– Помощница?

– Ты, доча. Ты помощница и есть. Пойдём, – снова позвала она. – Вот. Держи-ка. – Она протянула мне свою осветительную полыньку. – Ну, чего ты? Бери!

– Как это называется? – Говоря откровенно, мне было совершенно всё равно, как оно называется. Просто с полгода назад шаровой молнией убило учительницу. Ожоги шестидесяти процентов тела – то, что мне не развидеть уже никогда.

– Да никак. Кто хочет красиво, называет светоч. А я гово-

рю, светилка. А молодёжь, бывает слышу, – кто светик, кто световик. Не бойся, не жжётся! – И старуха медленно погрузила в шарик-молнию свою когтистую пятерню.

Я тоже коснулась – кончиком пальца (да, не жжётся, едва-едва ощущается тепло) – и только потом переняла польньку у неё из рук. Старуха сорвала новую, такую же высокую и мощную. С силой хлестнула ею по воздуху – и на верхушке вспыхнул точно такой же шарик-молния.

– Ух ты. Это магия? – поинтересовалась я. Вопрос прозвучал как-то буднично – как будто я говорю «Ух ты. И по чём такая маечка?». Но я сочла это хорошим вариантом. Я уже поняла, что попала в какое-то странное, возможно *очень* странное место, и совсем не обязательно на любую странность выдавать целую бурю эмоций. Буду как Карлсон – спокойствие, только спокойствие!

– Ты что же, и в школу не ходила? – пожалела меня старуха Горзда. – Инергия это, доча. И-нер-ги-я...

Мы шли гуськом по узенькой, хорошо протоптанной тропинке. Горзда, разумеется, впереди и, надо сказать, довольно шустро. Ей не мешала даже её длинная, мешковатая юбка. Она мешала скорее мне – тем, что заставляла недоумевать. Всё время хотелось спросить: зачем же надевать такое в лес? С другой стороны – в моём наполовину мокром, не первой свежести халате лучше было попридержаться замечания, касающиеся одежды. И я так и делала.

Я вытягивала руку со светилкой то влево, то вправо, пы-

таясь получше рассмотреть деревья. Обычные дубы, обычные сосны. Не знаю, почему они мне поначалу чёрными показались. Наверное, с перепугу.

Вполне обычно пищало и комарьё.

Однако хватало и необычного.

Над тропинкой в мгновение ока возник клочок желтоватого тумана, покачнулся и так же мгновенно исчез – как будто выключился.

Потом я заметила на сосне белёсый нарост размером с кошку. Он сидел на стволе, как гриб, но когда я приблизила светилку, медленно и как будто недовольно перебрался на другую сторону дерева.

Высоко над лесом кто-то крикнул детским голосом: «Эй!». Я дёрнулась. Через несколько секунд крик повторился, и старуха буркнула:

– Спунец.

Три раза мимо нас проносились бесформенные скопления ярко светящихся точек. Старуха пояснила – это Бука, Тянуло и Тягало...

– Как вы их различаете? По-моему, они одинаковые...

– Очень даже разные. Это на них покрывалки один в один. Чёрные в искру.

– А это люди или животные?

– По-среднему. А в последнее время дичают. Не здороваются, шкродничают. Ломарь и тот, бывает, кивнёт, а эти... – Горазда цыкнула, махнув рукой – мол, пропащие. – Встре-

тим ломаря – не забоишься?

– Если в нору к себе не потащит, не забоюсь, – пообещала я, надеясь, что получилось не слишком натянуто. Подумала я другое. «Только ломаря мне и не хватало!».

– Зверь не дурак, доча. Зверь мой сосед. А теперь и твой, поняла, нет?

Одно мне становилось всё яснее: это какая-то другая реальность. Параллельная? Альтернативная? Я в таких делах не специалист. А в каких специалист, я решила пока не говорить. Когда старушка заводила об этом разговор, я, чтобы не врать, отмалчивалась. В разных культурах отношение к смерти разное. И отношение к тем, кто тем или иным боком к ней относится, – тоже. Промелькнула, правда, мысль: не сказать, ли что я медсестра? Или кто у них тут – целительница? Лекарь? Но вот уже на этапе названия путаница и пошла. К тому же, учитывая замечание о «смертушке», которой от меня разит, хреновым бы я лекарем получалась. Не рекомендоваться же хреновым лекарем, в самом деле!

Старуха была словоохотливой всю дорогу, но все мои попытки узнать хоть какую-нибудь конкретику заходили в тупик. Что за местность? Как называется? «Лес, он и есть лес», «Село, оно и есть село»...

– А город поблизости какой?

– Что ещё за город? Нет у нас такого.

– Ну хорошо. Село, говорите, у речки. А как называется речка?

– Да что тебе эти названия дались, доча! – (Она так меня дальше и звала – дочей, не по имени.) – Не пригодятся они тебе. Такая у тебя судьбинушка.

– Какая «такая»? – насторожилась я.

– Жить в лесу. Помогать мне. Лесная ты теперь, понимаешь, нет? Будешь со мною мебелью расти – не пропадёшь!

– Пойдите, но почему «лесная»? Вы же сами сказали – где-то рядом село.

– Если ты свой нос из лесу высунешь – больше у тебя носа не будет. Потому как и головы не будет. Селяне – они дикие.

– Вот поэтому я и спрашиваю про город!

– Совсем дикие, – упёрто повторила старуха. – О-без-головуют!

– Обезглавят, – машинально поправила я.

– Гляди-ка! В школе не училась, а умная. А коли умная, так и живи себе с головой, не суй её куда не позволено. Сколько я этих голов потом находила! Вот так же появятся не пойми откуда – и сигают из лесу, меня не слушают. А потом идёшь – и на тебе. Голова.

– А тело? – так же машинально спросила я.

– Тела, видать, ломарь утаскивал. Он своего не упустит, он такой!.. А вот и моя полянка.

Надо сказать, это было сюрпризом. Я почему-то считала, что Горазда ведёт меня к себе домой, а не на работу. Но возмущаться я, само собой, не стала. Не в том я была положении, чтобы возмущаться.

Полянка оказалась совсем даже не полянкой – настоящей поляницей размером, наверное, со стадион. Не с Лужники, конечно. Но со школьный точно.

«Мебля» Горазды представляла собой исключительно стулья. Их было ровно десять штук, широко раскиданных по всей поляне. Как я их увидела да ещё и посчитала? Они светились! Ровным, чуть приглушённым зелёным светом. А сразу за ними светился стул-гигант – огромный, этажа с четыре. Он был весь перекошен, как будто вот-вот завалится набок.

– Это вроде как их мамка, – «познакомила» Горазда. – Они от её корневища растут. Видишь, как её перекривило? В дикости-то они кривыми вырастают. Чтобы такого не приключалось, ухаживать надо. Ходить и поправлять. Ночами-то они не только светятся. Ещё и гнутся как миленькие. Идёшь и смотришь: где ножка не туда прогнулась, где спинку в сторону уводит. Смотришь – и выгибаешь как надо. Поняла, нет?

Я кивнула.

Горазда погасила обе наши светилки – просто затоптала шарики-молнии, как гасят тлеющие угли – и мы взялись за дело, пошли поправлять и выгибать.

Одна из передних ножек каждого стула (у некоторых левая, у некоторых правая) росла прямо из земли, а потом невероятно сложным и хитрым образом перекручивалась и переходила в спинку, сиденье, другие три ножки.

Стульягнулись как резиновые, с той только разницей, что как выгнешь, так и остаётся, к прежней форме не возвращается.

– Почти готовы. Почти-почти, – с удовлетворением заключила Горазда. – Как дорастут – спилим, унесём на опушку леса.

– Зачем? – удивилась я.

– На продажу, зачем же ещё?

– А кто покупает? Деревенские?

– Эти редко. Но мимо дорога в город, постоянно тарантасы ездят, а в тарантасах городские умники. Небось не нищие! Покупают, доча, так покупают, что только шум стоит! Задорого!

– В город? – замерла я на корточках (заднюю ножку закрутило в тугую петлю, которая всё никак не хотела раскручиваться).

Затепилась надежда. Если куда-то можно попасть, наверняка оттуда можно и выбраться. Горазду об этом, похоже, бесполезно выспрашивать, но вот городских бы умников!

– Разве вы не говорили, что города нет? – поймала я её на слове.

Старушка вздохнула, но не смутилась.

– Ну и есть, ну и что? Я тебе, доча, всё как на духу говорю. Ты ещё молодая, тебе пожить охота. Вот и береги свою головушку!

Беречь мою головушку старушка повела меня к себе.

Шли мы с точно такими же полынными светилками, видимость – на расстоянии вытянутой руки, не дальше. Узкая тропинка постепенно расширилась в дорожку, по которой можно было идти не гуськом, а локоть к локтю. Я поняла, что мы у цели, практически уткнувшись в высокий частокол. За частоколом в два голоса затывкали и заскулили.

– А ну-ка тише! – шикнула на них Горазда, открывая калитку. – Перелайки это, не пугайся.

– Собаки такие? А они не нападут? – заволновалась я. Заволнуешься тут! Мне хотелось упасть и уснуть, пусть даже на голой деревянной лавке, а вовсе не истекать кровью в надежде, что собаки хотя бы не бешеные.

– На цепи они. Иди, не бойся, – ласково пригласила старушка. – Устала?

– Очень...

Горазда провела меня в избу и сразу уложила:

– Вот тебе сорочка, вот тебе подушка, вот тебе две простынки. Спи, доча. Ни о чём не тужи. Разбужу я тебя сама.

«Насчёт голой лавки я почти угадала...» – сонно подумала я, расстилая простынь. Лежак? Топчан? Как лавка – только намного шире. Светилка торчала прямо из стены, воткнутая в щель между брёвнами, и я вдруг заметила, что «мебля», на которую я собираюсь завалиться, скручена так же хитро, как стулья на поляне. «Хм... Значит, у старухи не одна поляна? Не одна, а сколько?» – успела подумать я и рухнула в сон...

– Доча, доча, вставай! И так заспались. Давно рассвело! –

тормошила меня... кто? Я открыла глаза и чуть не заплакала. Горазда! А во сне мне привиделось, что всё это сон. Там как-то сложно всё перевернулось: казалось (и уже под самое утро, только что!), что всё как обычно, я иду на работу, как ходила почти семь лет, и вспоминаю странную старушку-мебельщицу из фантастического сна про какой-то иной, любопытный, но не слишком-то приветливый мир.

– Выпусти и привяжи козу – верёвку покороче, а то эта скотина рогатая до яблоньки дотянется. Потом откроешь курятник, насыпешь пшена курам – мешок в углу за печкой. Потом покормишь перелаек – чугунок с кашей в печи, миски под печью... Вставай, сказала! – неожиданно взвизгнула она над самым ухом.

– Встаю, – спокойно ответила я. Хоть мне это очень и очень не понравилось – и получать такие многочисленные инструкции прямо спросонья, и то, что на меня, как на прислугу, прикрикивают. Ну, или если вернее сказать – привизгивают.

Горазда тут же скрылась из виду (я потом видела её в окошко, на огороде), а я нарядилась в то, что она оставила мне вместо моей «охламонистой» одежды – тёмно-бордовый грубоватый сарафан поверх льняной рубахи с довольно коротким рукавом (думаю, «три четверти»). На голову я повязала такую же, как у Горазды, косынку в горох (не для красоты, разумеется, но вдруг пригодится, дают – бери). Всё это было особенно «прекрасно» с кроссовками. Кем в этом

всём себя ощущаешь? Каким-то незадачливым аниматором, забывшим в такси аниматорскую обувь.

Я побродила по избе в поисках зеркала, но ничего похожего не обнаружила. Старуха вообще жила очень скромно, можно даже сказать, по-спартански. Только необходимое. Полки с посудой напротив печки. Стол, стул, сундук. Спала она, видимо, на печке. «Интересно, на что она тратит деньги, если продаёт свою «меблю» дорого?».

Со двора послышалось жалобное тьяканье, почти сразу ему стало вторить другое. Наверняка перелайки. Надо их покормить как можно скорее, всё остальное уже потом.

Ухват от кочерги я отличила, только он мне всё равно не понадобился. Я его никогда в жизни в руках не держала, не стала рисковать и теперь (представила, как грохну кашу на пол – и не стала), чугунок подвинула к краю, накинув на него петлю из полотенца.

Каша была пшённая. Ещё горячая. Как же вкусно она пахла! Желудок призывно заурчал. «Подождёшь, – приструнила его я, – завтрак впереди». Нет, ну когда-то же он будет. Не отъесть же втихаря от собачьей каши! Я, конечно, голодна, но я же человек. Правда, человек, не евший – не пивший со вчерашнего вечера, а это часов пятнадцать. И то – если время в наших мирах сходно и сопоставимо, в чём я совсем не была уверена.

Я наполнила миски и вышла во двор. Подворье Горазды Сильяновны впечатляло – окружённое высоченным доброт-

ным частоколом, плотно застроенное сараями и сараюшками. Огород был по ту сторону избы и, насколько я рассмотрела из окошка, был он тоже немаленьким – узким, но длинным. Маленькой был только изба.

Тявкили, поскуливали и подвывали из-за самого высокого сарая.

Я зашла за него – и уронила обе миски... Там, друг напротив друга, сидели на цепи, у будок, вовсе не собаки. А люди. Лохматые, босые, в рваной, извалянной в земле одежде явно с чужого плеча. Я даже не сразу поняла, какого они возраста и пола. Только когда пригляделась. Боже ты мой, они же молоденькие совсем, лет по семнадцать! И боже ты мой, ошейники – железные...

Увидев, что каша рассыпана, один из этих бедняг разволновался сильнее прежнего, затывквал ещё жалобнее, потянулся мордой... – нехорошая оговорка, но ведь совсем неспроста! – в общем, потянулся к этой рассыпанной каше.

– Чёртова старуха, что же ты вытворяешь, – прошептала я. Забыла обо всякой осторожности, быстро подошла...

Замок на ошейнике был простецкий – продетый сквозь петли ошейника большущий гвоздь, расплющенный с острого конца да ещё и намертво закисший, заржавевший.

Нет, с этим надо что-то делать. Ясно, что старухе это не понравится, ну что ж. Что она, в конце концов предпримет? Превратит меня в мухомор?

Я побежала за кочергой.

Первым освободила «волнительного». Стоило мне воткнуть её плоский загнутый кончик под шляпку гвоздя и пару раз качнуть, как ржавчина посыпалась, и гвоздь выскочил! Я раскрыла железный обруч, и «волнительный» рванул к вожделенной пшёнке.

Со вторым пошло чуть сложнее – пришлось раскачивать, тянуть, я поцарапала запястье и порезала палец – но наконец и его ошейник с лязгом повалился на землю. Однако к пшёнке освобожденный не помчался.

Справедливости ради, там уже было почти и не к чему. «Волнительный» доедал, возя мордой прямо по земле. Вернее, лицом. Вернее, не знаешь, как и сказать, чтобы было вернее.

Он доел и потерял всякий интерес к дальнейшему, уполз на четвереньках в будку.

Второй встал с четверенок и оббежал меня вокруг (бег его, конечно, мало напоминал человеческий: он бежал, полусогнув ноги и сильно наклонившись вперёд, так, что и руки вот-вот достанут до земли), а потом уселся прямо передо мной на колени и принялся лупить себя кулаком в грудь:

– Гав-ррр! Гав-ррр!

Хм. Это он меня облаять, что ли, решил?

– Й... й... я Гавр! – наконец, выговорил он. Затем потянул за мой подол: – Дотя!

– Доча? – догадалась я. – Почему доча? Нет. Я Алина.

Он снова поднялся на полусогнутые, продолжая куда-то

меня тянуть.

– Чего ты хочешь? Что такое?

– Там, – упрямылся он.

– Ну хорошо. Там значит там. Идём...

Он подвёл меня к небольшому холму в самом углу, у ча-стокола. Холм оказался вовсе и не холмом, а небольшим де-ревянным срубом, укрытым толстым слоем дёрна. Я оттащи-ла тугой засов, толкнула дверь, и в лицо мне ударил густой, обжигающий морозный пар.

Гавр, скульнув, рванулся внутрь.

Я заглянула. Ничего, кроме тьмы. А не попробовать ли и мне эту их «инергию»?

Я сорвала какой-то высокий и не слишком разлапистый бодыль, зачем-то зажмурилась и хлестанула воздух, как это делала Горазда. Трудно сказать, на что я надеялась. В глу-бине души я продолжала считать это магией, которой вла-деет старуха, а я, разумеется, не владею, но... зелёный ша-рик-молния вспыхнул!

Гавр звонко нетерпеливо твякнул и крикнул:

– Тут!

Его голос раздавался откуда-то из глубины и отскакивал от бревенчатых стен лёгким полуэхом. Я поёжилась – внут-ри было просто дьявольски холодно! – но решила, что всё-таки спущусь. Даже не знаю, что меня на это сподвигло, лю-бопытство, отчаяние или просто импульс. Вполне возможно, что всё вместе, три в одном.

Скользкие деревянные ступени (трижды я чуть не полетела вниз кувырком) уводили под землю метра на четыре. Пахло сыростью и почему-то болотной тиной.

Посреди довольно большого подземного зала стоял ледяной блок с чем-то... *с кем-то* внутри.

Гавр носился вокруг этого льда, то и дело поглядывая на меня, а когда я подошла, потыкал в него пальцем и снова сказал:

– Дотя!

Я наклонилась над блоком и ахнула. В него была заморожена девушка!

Она была очень похожа на Горазду – те же черты, только молодая. Одета нарядно: по сарафану вышивка, рукава-фонарики. Через плечо перекинута роскошнейшая коса.

– Качелей её стукнуло. На ярмарке... Одиннадцать годов уж прошло, – донёсся сверху голос Горазды Сильяновны. Она спускалась к нам, пыхтя от напряжения (видимо, очень уж боясь скатиться с лестницы) и освещая себе путь традиционной светилкой.

– Что же не похороните? – спросила я. Учла срок давности и сочла, что вопросы задавать можно. Любые. Одиннадцать лет – не одиннадцать часов. Но я просчиталась.

– А ну-ка прикуси-ка язычок! – разозлилась старушка. – Чтобы я, да свою кровинушку, да вот так?!...

Я и впрямь прикусила язык. Что у них тут за обычаи, мне, видимо, ещё разбираться и разбираться. В худшем случае. А

в лучшем мне всё-таки удастся отсюда выбраться. В самом лучшем – скоро. Только вот вряд ли случай будет самым лучшим, если днями и ночами я буду работать на Горазду. Днём на подворье, а ночью – на поляне.

... – Замуж я её выдам. Вон какая красавица! Все ещё завидовать станут. Я только для неё и живу, для ластоньки моей...

Горазда продолжала в том же духе, а я стояла-дрожала молча (промёрзла до костей!). И вдруг сообразила: так это же один из вариантов, которые не раз и не два встречались мне по работе. Что-то вроде временного помешательства, когда родственники как будто не могут взять в толк, что произошло. Говорят о покойном как о живом, не понимают вопросов. Запомнилось, как однажды, разбирая вещи, обнаружила тёмно-коричневые, почти чёрные очки от солнца. Такие, знаете, – на пол-лица. А необходимости в них нет – лицо целое, чистое. Звоню, уточняю: «Уверены? Очки одеваем?». А мне в ответ: «Конечно! Он же без них щурится!».

Но такое бывает именно в начале. В первые часы. Защитная реакция, очень тяжёлая, этакое чугунное забрало. А если «одиннадцать годков уж прошло», дело совсем плохо. Получается, что это «забрало» намертво прилипло и не даёт жить дальше. Так, по крайней мере, у нас, в нашем мире. А если... если здесь вдруг как-нибудь по-другому? Если и на это есть какая-нибудь «инергия», которая полностью меняет суть?

Неожиданно взвыл Гавр.

Всё это время он сидел на корточках у моих ног, завороченно глядя в ледяную усыпальницу и тоже дрожал, а теперь вдруг решил о себе напомнить.

– Умолкни, скотина безрогая! – высоким истеричным голосом приказала ему старуха. А потом добавила вполне нормальным, мне: – Он тогда семилетком был. Подлаечкой совсем. Маленький, хворовитый – а дочечка с ним возилась. Привязался он к ней. Тоскует...

Гавр, затихавший на несколько секунд, снова взвыл.

– А ну-ка умолкни! – снова заверещала Горазда. Подскочила и пнула его наобум, не глядя. Жалобно скульнув, он замолчал. – Ты зачем их отпустила, непутёвая?

Старуха уставилась на меня, а я что-то даже не нашлась, что ей ответить.

– Пойдём, пока не закоченели, – вздохнула она. – Тут как в ледяном аду.

Пока поднимались, я не удержалась от вопроса:

– Горазда Сильяновна. Может быть, у вас здесь есть какие-нибудь особые возможности?

– Это какие?

– Ну, например... оживлять.

– Оживлять? Совсем ты дура, девка. Ой дура...

– Послушайте, я же...

– И слушать не буду. Никакая не умная. Дура набитая, больше никто!

В общем, к тому моменту, как мы выбрались на утреннее

летнее солнышко (после ледяного sklepa оно казалось прямо-таки горячим), я уже знала, что скажу старухе.

– Горазда Сильяновна...

3. Рыжий и Чёрненький

– Горазда Сильяновна. Знаете... Мы с вами не сработаемся, – сказала я. Не говорить же ей было: вы, бабушка, тронулись рассудком одиннадцать лет назад как минимум!

– Чиво-чиво? – Она смотрела на меня так, как смотрели бы на заговорившую лягушку – с обалдением и долей брезгливости. Мол, что же такое несурзное ты квакаешь?

– Поймите. «Мебля» – это не моё. Тем более не моё – держать людей на цепи и в будках.

– Каких ещё людей?

Одно из двух: или старуха удивилась искренне, или он была хорошей актрисой. Не просто хорошей – а на грани гениальности.

Я пошагала к калитке, а она кричала мне вслед:

– Куда тебя несёт, непутёвая? Неужто непонятно? Или тучки, или нигде!

Оборачиваться я не стала.

Откровенно говоря, я не верила, что мне снесут голову просто за то, что я «чужачка». Да и откуда им это знать? Я ведь не лопочу «вар-вар-вар». Из «чужого» на мне – только кроссовки. Даже моё коротенькое каре в глаза не бросается – вот она, первая польза от косынки.

От калитки отходили сразу четыре тропинки... Ну – прямо квест!

Сразу же вслед за мной выскочил Гавр. Выскочил и остановился, наклонив голову и внимательно на меня глядя, как будто пытаюсь понять, не против ли я.

– Со мной собрался? Я-то не против. Только я даже не знаю, в какую сторону идти. Где-то тут есть дорога в город. Знаешь её?

Он тьякнул что-то, не похожее ни на да, ни на нет, но судя по тому, как уверенно потрусил по одной из тропинок, понял, куда мне нужно.

Бежал он всё в той же, не вполне человеческой манере – на полусогнутых и сильно наклонив корпус вперёд, как будто в любой момент готов был опереться ещё и на руки. Серая жилетка (она была надета прямо на голе тело) висела на нём, как попона. Широкие штаны не держал ремешок, они были просто завязаны узлом на поясе и каким-то чудесным образом не сваливались. Еще более чудесным образом он не обращал никакого внимания на то, что бежит босиком.

Я шла за ним, стараясь не отставать, но ему всё равно приходилось время от времени меня дожидаться. Тогда он нюхал деревья, замирал, к чему-то прислушиваясь, щёлкал зубами, как будто ловил каких-то насекомых (может, и ловил, но надо сказать, утром насекомые было заметно меньше или просто кусались они не так вдохновенно, как ночью).

Лес был пронизан утренними лучами и выглядел дружелюбно и очень знакомо, привычно, по-нашему. По деревьям не ползали никакие наросты, и никто не окликал нас

с высоты. Если бы не паренёк с повадками животного, бегущий чуть впереди странной «пришибленной» трусцой, легко можно было бы представить, что меня ни в какие иные миры не заносило, что я по-прежнему в своём.

Наконец мы вышли на дорогу, покрытую слоем пухлой, летучей пыли, Она взмывала вверх от малейшего движения.

Гавр выбрал направление без всяких колебаний, а мне ничего не оставалось, как полагаться на него.

Мы не прошли и километра, как дорога вильнула, и впереди зажелтело что-то яркое. «Ну вот. Тарантас!» – подумала я. И обрадовалась, хотя понятия не имела, как буду действовать дальше. Спрашивать у «городских умников», как устроен белый свет? Напрашиваться с ними в город?

Но по мере приближения к этой яркой желтизне становилось понятно: очень вряд ли это транспортное средство. Нет. Непохоже.

– Птица?.. – не поверила я глазам, когда мы приблизились вплотную.

Зрелище было впечатляющим. Огромное, выше человеческого роста и довольно широкое прямоугольное полотнище развернулось у небольшой серой птички прямо над затылком. По всей видимости, это было какое-то брачное украшение. Этакий брачный парус.

Гордый собой самец ни секунды не стоял неподвижно, всё время топтался и слегка поворачивался из стороны в сторону. Очень было похоже на то, что он ловит воздушные по-

токи, чтобы они помогали ему удерживать это экзотическое богатство. С погодой ему явно повезло: на сильном ветру так не покрасуешься, унесёт!

Я бросила взгляд туда же, куда он упорно смотрел, и увидела в траве, около дороги, другую серую птичку. Чуть крупнее, но без всякого «паруса».

– Нашли где устраивать брачные игры, – хмыкнула я.

Гавр остановился около птичек вместе со мной, но птичками не интересовался. Он вытягивал шею, крутил головой и водил носом, как будто прислушивался и принюхивался, а потом выглянул из-за «паруса» – и попятился.

Выглянула и я. К нам подходили два пренеприятнейших товарища. Аборигены, так сказать. Рыжий и черноволосый. Бородатые, нечёсанные. Их плетёная из толстой верёвки обувь напоминала одновременно и лапти, и тапочки. То ли от одного, то ли сразу от обоих жутко разило потом.

Тот, что с рыжей бородой, был старше, мощнее. Он держал на плече топор с непривычно длинным топорищем. Черноволосый – худощавый, даже хлипковатый – опирался, как на посох, на длинное копьё с сильно расплюснутым двойным наконечником (рогулина? рогатина? пусть будет рогатина).

Быстро окинув меня маслянистыми глазками, они переглянулись.

– Какая краля, – оценил Рыжий. Интонация сказанного была вполне однозначной и ничего хорошего, конечно, не

сулила.

– Не. Она цыпа, – усмехнулся Чёрненький. – Девка, ты местная?

– Да, – ответила я, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул. Правда лучше вранья, но когда встречаешь таких вот товарищей в безлюдном месте, все средства хороши.

– Из какой деревни? Из Залесовки?

– Да, – снова сказала я, хотя и почуяла подвох. К тому же вопрос сопровождался прямым наглым взглядом на мои пыльные кроссовки. Было яснее ясного: не пыль приковала его взгляд.

Аборигены дружно захохотали.

– Нет тут такой деревни, – резко посерьёзнил Чёрненький. – Есть Куропатовы Глины, Валуны, Мохоедово... Ты – одна из тех поганых тварей, какие валяются в наш лес! Для чего? А я тебе скажу. Чтобы испортить нам жизнь! Так что – голову долой!

Чёрненький распалился. Он вдруг широко размахнулся своей рогатиной и в одно движение снёс голову птичке-женуху.

«Парус» рухнул.

Обезглавленная птичка резко подпрыгнула, плеснув из своего тонкого горлышка густой чёрной крови, больше похожей на мазут, и упала набок, рефлекторно подрагивая ножками.

Птичка-подружка грустно вскрикнула, вспорхнула и уле-

тела.

– Голову долой, – облизнувшись, как будто говорит о чём-то вкусном или приятном, повторил Чёрненький. Глаза у него блестели, пот скатывался со лба, теряясь в широких сросшихся бровях. – Но сначала попользуем тельце. Иди сюда, лапонька...

Чёрненький отбросил в сторону рогатину и ухватил меня за локоть.

Я бы не сказала, что испугалась. Но то, что я почувствовала, было, пожалуй, хуже страха. Чувство беспомощности – как будто вдруг все имеющиеся силы разом из меня выскочили, куда-то подевались.

Подскочил и Рыжий.

– Ну? – потянул он лямку сарафана.

Я стояла совершенно оторопевшая. Ни звука, ни движения.

Чёрненький опять усмехнулся и так толкнул меня в оба плеча, что я не удержалась на ногах и завалилась на дорогу. «Гадость какая...» – успела я подумать, глотая поднывающую пыль...

Рычание. Мелькания за мельканиями. Пыль. Ещё больше пыли...

Это на Чёрненького кинулся Гавр!

«А-а!.. Фу! Фу!» – орал неожиданно высоким голосом Чёрненький.

Рыжий крутился вокруг этой кучи-малы и то замахивался

топором, то снова его опускал. Насколько я поняла, он боялся промахнуться и садануть по товарищу.

Наконец Рыжий всё-таки ударил. Из пылевого облака вывалился Гавр.

Я вскочила на ноги, подбежала – неужели зарубил?!

Раны не видно, пульс есть.

– Всего-то обухом. Очухается, – как бы между прочим бросил Рыжий.

И оказался прав. Даже слишком. Гавр очнулся в следующую секунду.

Он резко распахнул глаза. Взгляд у него был совершенно потерянный. «Наверняка сотрясение», – подумала я.

Как будто не узнав меня, он громко, испуганно взвизгнул, вскочил на ноги и... Всё произошло так быстро, что ничего предотвратить было просто невозможно.

Он вырвал топор у Рыжего и ударил его в грудь. Не обухом...

Рыжий, закатив глаза, упал замертво. По его рубахе расползлось тёмно-бордовое пятно.

– Гавр! – крикнула я. – Не надо было... – Я замолчала. А что тут добавишь?

Гавр смотрел не на Рыжего и не на меня, а куда-то мне за спину.

Я обернулась и опешила.

Чёрненький сидел на дороге, весь в светло-серой пыли, как будто на него высыпали пылесборник из пылесоса, и за-

вороженно смотрел на фонтан крови из своей правой руки. Кровь била из предплечья. Ярко-алая. Толчками. Артериальное кровотечение!

– Нужна палочка. Или короткая толстая ветка! Быстро! – прикрикнула я на Гавра. Сорвала с себя косынку, свернула её так шустро, как даже сама не ожидала, и наложила жгут повыше локтя.

Гавр протянул мне ветку. Именно такую, какую было сказано (надо же – а ведь я сомневалась, поймёт ли он!).

Я продела её между двумя узлами жгута-косынки и начала крутить.

– Закрутка. Чтобы окончательно пережать сосуд, – поясняла я. Больше для Гавра (кто его знает, возьмёт да и это поймёт), Чёрненький вряд ли меня слушал. Он не выдавал никакой реакции даже на мои элементарные просьбы приподнять или опустить руку. Сразу последовал только моему совету прилечь.

Кровавые порции, выбрасывающиеся из предплечья, иссякали. Когда они иссякли окончательно, я приложила пальцы к его исходящей холодным потом шее – пульс на сонной артерии был частый, но едва уловимый.

Проверила пульс на запястье – ничего. Всё. Закрутила я этот крантик. Готово... Нет, не всё!

– Сколько сейчас времени? – спросила я у Гавра. Не знаю, на что я надеялась. Что он вытащит карманные часы?

Но ведь вытащил! И как раз из кармана. Странненькая это

была шутовина, но время-то по ней узнавалось, так что, видимо, всё же можно назвать её часами: толстенький коричневый диск, гладко отшлифованный, похожий на янтарный. Зажмурив один глаз, другим Гавр посмотрел через этот диск на солнце.

Посмотрел снова и снова, а потом протянул диск мне.

Сквозь него солнце выглядело приглушённо-оранжевым кружочком, и на этом кружочке пламенели две стрелки – как на циферблате, только без цифр. Такие вот часы с интуитивным дизайном. Ну, если я правильно поняла. А надежда на это, что правильно, – была. И очень даже немаленькая.

Получалось, восемь часов. Очень похоже на правду.

– Время нужно чем-нибудь записать. И так, чтобы не стёрлось. – Я озиралась по сторонам, но чем тут запишешь?

Гавр сунул палец в горло обезглавленной птичке и добытым «мазutom» нарисовал у себя на руке крестик. Сильно потёр его другой рукой, но «мазут» прямо-таки въелся.

– Ясно, – сказала я и нарисовала жирную восьмёрку на лбу Чёрненького.

Вот теперь – готово.

Готово?!

То есть:

Я.

Только что.

Оказала.

Первую помощь.

И без всяких замираний, без «не стану, не буду, не могу, не хочу», без «медицина для меня закончилась». Может быть, и не время было об этом думать, но... подумалось.

Лицо Чёрненко было серым даже на фоне пыли. Грязный, в разорванной там и сям одежде, весь покусанный, он прерывисто дышал и продолжал исходить потом.

– Это травматический шок, – сказала я Гавру. – Ему нельзя вставать. Его можно только нести... Сколько километров до села?

Гавр насупленно фыркнул и отвёл взгляд. По всей видимости, в село ему не хотелось.

– Гаврик, миленький... Тому, с рыжей бородой, мы уже ничем не поможем. А этому – шансы есть. И это совсем другое дело... Ну – сколько километров? Или, может, вёрст. Не знаю, в чём вы там считаете.

– Ды-фа...

– Два? – переспросила я на всякий случай.

Он недовольно, как для непонятливой, показал мне два пальца.

Я подошла к птичьему «парусу», прикидывая в уме: два километра, двое несущих, один раненый... Реально? Да. Только бы «парус» не подвёл!

– Гаврик, насколько это прочная штука?

В ответ он только похлопал глазами.

– Будем считать, что прочная, – заключила я.

Носилки были готовы минут через десять, благо лес ря-

дом, и с палками нужной длины проблем не возникло. Очень хэнд-мэйд, конечно, но выбирать в таких случаях не приходится.

Гавр впереди, я позади, у изголовья. Чтобы наш покусанный не свалился с этой зыбкой конструкции, я привязала его к несущим палкам, перехватив его же поясом поверх груди.

– Ну – понесли! – скомандовала я.

Гавр был, пожалуй, единственным на моей памяти, кто, хватаясь за носилки, не припомнил, что вперёд ногами, видите ли, нельзя. Представляю, как бы я завопила – можно!!!

На ярко-жёлтом полотнище Чёрненький выглядел даже уже не серым, а каким-то сизым. Я начинала сомневаться: дотянет ли он? Два километра нормальным шагом – это минут двадцать пять. Но наш шаг, разумеется, нормальным не назовёшь. Наш шаг, скажем так, с большим обременением. Смело можно умножать на два. Почти час. Много!

Шли мы молча, только пыхтели. Да ещё Гавр всё норовил отдохнуть. Спорить с ним было бессмысленно – я и сама понимала, что если не отдыхать, не дотащим.

А минут через двадцать нам сильно повезло: когда дорога снова вильнула и ушла по склону вниз, мы встретили мужика на телеге.

– Да не стану я вертаться, – сразу же заявил он. – И вы мне всю поклажу изгадите. Идите как шли. Ничё, донесёте!

– Время, время! Можем не донести! – волновалась я. Чёрненький выглядел всё хуже. – Вы же его наверняка знаете!

Помогите!

– Нефёда-то? Сразу за мостом его изба. Знаю как облу-
пленного. Это ж не человек, это ж хуже скотины!

– Помогите. Я вас прошу.

– Куда хоть надо-то?

– К доктору!

– Я помогу. Только таскать не буду. И Нефёд, эта скотина,
по гроб жизни мне обязан будет. Устроит?

– Более чем!

Мы погрузили нашего покусанного на телегу (не так это
было просто, но погрузили) и уселись сами.

Возница оглянулся.

– А псина-то куда?! А ну пшёл, пшёл! – замахал он на
Гавра хворостиной.

– Давайте уже поедем, – взмолилась я.

Если не кривить душой, нельзя сказать, что я так уж силь-
но переживала за Нефёда, который и по-моему, и по словам
возницы выходил полнейшей скотиной. Дело было в другом.
Очень не хотелось, чтобы моя помощь, уже предпринятые
усилия оказались напрасными. И второе (а по степени важ-
ности так, пожалуй, первое). Медик не должен оценивать то-
го, кому помогает. Начни помогать исключительно тем, кто
тебе по душе, и я даже не хочу представлять, кем окажешься,
только не медиком.

– Но, – негромко приказал возница, лениво, как-то нехотя
дёрнув вожжи. Лошадь стронулась с места.

Я была почти уверена, что сейчас начнутся расспросы – кто на нас напал, где Рыжий (или как там его зовут... вернее, звали). Однако возница ограничился тем, что засвистел какую-то унылую мелодию.

Только теперь, сидя прямо на «поклаже» (увы, но в нашем пыльно-кровавом случае не испачкать светлые полотняные мешки было невозможно), я наконец огляделась.

Перед нами, как на ладони, раскинулась долина, рассечённая речкой. По эту сторону речки – хаотичные скопления домиков (наверняка то самое село, которое «село и есть»), а по другую, за мостом, – пышный остров зелени, из центра которого виднелось что-то похожее на крышу.

– Вы можете везти быстрее? – попросила я.

– Так везу-то не я. А лошадка небось не любит, когда её по пустякам мотают. Животина тоже кой-чего понимает!

Мы проехали мимо села, переехали через мост, потом, петляя по давно не езженной, еле проглядывающей дорожке, – через дубовую рощу. Мне показалось, что немного поодаль, среди зелени, блеснули золотом ворота. Но мы проехали мимо. А вскоре перед нами выросло трёхэтажное здание. Обогнули холм – и вот оно. Белые колонны, широкое крыльцо из розового камня, высокие арки окон.

– Это... больница? – спросила я, запнувшись.

– Это дом Куропатовых. Баре тут проживают, когда у них охота на это имеется. А нынче так вышло, что тут целых три дохтора – и наш, и с города, и мимоходячий. Забирайте что

ваше и бывайте здоровы. Утомился я от вас.

Мы стащили носилки с Нефёдом на мелкий гравий (им был посыпан весь здешний двор).

– Но! – бодро выкрикнул мужик, как следует стегнул лошадку, и они унеслись с такой прекрасной скоростью, которой я так и не смогла добиться по пути сюда.

Открылись двери, и на пороге появился моложавый старик в ярко-сиреновом пиджаке (приталенном, длинном таком, кажется, это камзол, хотя не исключаю и сюртук), узеньких чёрных панталонах и белых чулках. Сверху этот забавно театральный образ довершал белоснежный парик с бантом на хвостике, а снизу – объёмные башмаки со сверкающими пряжками.

– Здравствуйте! Нам срочно необходим...

Он не стал меня дослушивать.

– Дворецкий дома Куропатовых к вашим услугам. Кто вы такие? – Голос его звучал крайне недружелюбно.

– Так, – сказала я. – Высокомерничать будете потом. Нам нужен доктор. Срочно! Вы что, сами не видите? Вы, может быть, слепой? – Последние фразы, может, и были переборчиком, но иначе это грозило затянуться на добрые – вернее, как раз недобрые и даже опасные для нашего покусанного – пятнадцать минут.

Дворецкий оторопел.

На втором этаже распахнули окно. Выглянул бледный мужчина. Лет, наверное, сорока с хвостиком. Кажется, он

был в халате.

– Самсон, что там? – спросил он.

Дворецкий лихо, как молоденький, сбежал по широким ступеням и задрал голову – видимо, чтобы переговариваться было удобнее.

– Обнаглевшие, Платон Ильич. Совсем одуревшие, – не стеснялся в выражениях дворецкий. – Доктора требуют. Предполагаемо подравшись.

– Кем предполагаемо?

Дворецкий замялся.

Платон Ильич перевёл взгляд на нас – как будто мы только что, в этот самый момент, появились. По его лицу можно было заключить, что он принимает решение.

Я молчала, сдерживаясь из последних сил. Говорила себе: не суйся, пусть подумает, не сбивай, не лезь!

– Разместите их во флигеле около пруда, – сказал он после немаленькой такой паузы. – Я пришлю Аристарха Никитича.

– Пришлите, пожалуйста, срочно! – всё-таки не сдержалась я.

– Что? – переспросил он в такой ледяной интонации, что по мне побежали мурашки. Бр-р!

– Просто... просто он может умереть... – проямлила я.

– Хорошо, я пришлю срочно, – еле слышно пообещал Платон Ильич.

Окно захлопнулось.

Через каких-нибудь пять минут мы были во флигеле –

каменном домике со скрипучими дверями и маленькими окошками, глядящими прямо на пруд. Внутри было полно симпатичной, но разнородной мебели (платяной шкаф так вообще был, похоже, из стекла), и пахло чем-то «на грани» – вроде бы и приятным, а вроде бы и подкисшим.

Как только мы переложили Нефёда на кровать, в домик вошли двое: невысокий мужчина в буром халате, накинутом поверх костюма, и полная женщина – настоящая деревенская баба. У мужчины в руке был небольшой полосатый чемоданчик, у бабы – металлическое ведро. С одного её плеча свисало полотенце, а с другого фартук.

Гавр нетерпеливо тьякнул.

– Тихо ты, пёсья морда! – махнула на него полотенцем баба. И вдруг узнала нашего покусанного: – Так это ж Нефёд, Нельзя ему помирать, он у Параскевыи один!

– Вот и не умрёт твой Нефёд, – скороговоркой отозвался мужчина. – Я доктор. Аристарх Никитич, – кивнул он мне. Скользнул взглядом по Нефёду и настороженно спросил: – Что это за символ у него на лбу?

– Время наложения жгута.

– Ах это... А я уж было подумал... – Он не стал договаривать, что же он там подумал, но выдохнул с явным облегчением. – Забирайте, милочка, собачку и ждите снаружи.

– Но я могу...

– Ждите снаружи.

Времени на пререкания не было. Мы с Гавром вышли и,

не сговариваясь, подошли к пруду. Я села на камень, а Гавр, поджав ноги, на траву.

Вода, окружённая крупными камнями, была иззелено-чёрной, с зеркально гладкой поверхностью. И вдруг из этой глади выпрыгнула маленькая серебристая рыбка! Она пролетела по довольно широкой дуге, я успела увидеть даже её зелёный глазок.

– Знаешь, там, в моём мире, – надумала я рассказать Гавру, – меня ждут три такие же рыбки. Ну, почти такие же. Кузя, Рыцарь и Соня. И если там сейчас тоже утро, то *очень* ждут. Потому что голодные...

Гавр скульнул. Я сочла, что это в знак сочувствия.

– Никогда не узнавала, сколько они продержаться без еды. Но не думаю, что долго. И я их понимаю. Я и сама голодная, как собака. Ой... Я имела в виду...

Гавр вскочил на ноги.

– Я только про то, что уже давненько не ела. Куда ты?

Но он не слушал. Рванул куда-то в глубину парка и быстро исчез из виду.

– Гавр!

Нет, не отзывался.

Ну вот, обидела человека... Человека ли? Но ведь и не собаку!

Вроде бы ничего обидного не сказала, но было отчего-то неудобно.

Я сняла и помыла в пруду кроссовки. Вода была приятно

прохладной, и я отмыла от пыли руки и ноги, а потом даже решила умыться.

Конечно, идеально чистенькой я не стала, но выглядела уже куда приличнее. Так мне, по крайней мере, казалось. А ещё пришло время оценить сильно укороченные рукава и тёмно-тёмно-бордовый цвет сарафана: рубаша не запачкалась, а несколько пятен Нефёдовой крови на сарафане были почти незаметны.

Зря Гавр разобижался! Его бы тоже почистить...

Я подошла к флигелю сбоку и прошла вдоль стеночки. Заглянула в окошко...

«Настоящая деревенская баба» полоскала что-то в ведре, а доктор возился, склонившись над Нефёдом. Что конкретно он делал, я не видела – он стоял к окошку спиной – но предположить могла. Порванную артерию надо было прошить. Это не решит все проблемы разом, останутся громадные риски того и сего, но будут шансы и на хороший исход...

Меня тронули за плечо.

– Ай!.. Гавр, – обернулась я, – нашёл время пугать!

Я говорила шёпотом, чтобы во флигеле не услышали, что мы ошиваемся прямо тут, под окнами. Разрешила себе повозмущаться, только когда отошли:

– Где ты бегал? Просто взял и ушёл. Я ведь здесь совсем ничего не знаю!

Он держал обе руки за спиной и смотрел на меня каким-то хитрым взглядом, как будто готов открыть секрет, от кото-

рого я подпрыгну до небес.

– Ну, что такое?

– Й... йа... ябылык! – Он вынул руку из-за спины и протянул мне большущее красное яблоко.

– Гаврик, какой же ты молодец!

Даже не знаю, что меня больше обрадовало – собственно яблоко или забота. Аж в глазах защипало. Когда всё-всё-всё вокруг чужое – или, в лучшем случае, только похоже на то, что тебе знакомо, – самый маленький жест, самый незначительный шаг навстречу воспринимается иначе. Любой шаг теперь – значительный.

Я вгрызлась в преподнесённое яблоко. Вторая рука Гавра была всё ещё за спиной.

– Ты прячешь что-то ещё?

Каюсь, я «разожралась» – представила, что и во второй руке что-нибудь съедобное. Какая-нибудь лепёшка или хотя бы кусок хлеба.

Но Гавр – и это было по-настоящему внезапно и очень трогательно – протянул мне цветок.

– Божечки... Спасибо конечно... Надеюсь, ни одна местная клумба не пострадала?

– Не-не! Не-не! – быстро закрутил он головой.

Цветок и не был похож на клумбовый – он напоминал гигантскую ромашку. Я спросила, просто чтобы что-нибудь сказать. Не твердить же всё время «божечки».

А может, и твердить...

Скрипнула дверь.

– Нефёд?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.